

**ИКОНИЧНЫЙ ЭКФРАСИС В ПРОИЗВЕДЕНИИ ВАСИЛИЯ
КОСТЕРИНА «НЕ ОПАЛИ МЕНЯ, КУПИНА. 1812»**

*И. М. Волков, А. Б. Шигурова,
Пензенская духовная семинария*

Статья посвящена анализу иконичного экфрасиса в произведении Василия Костерина «Не опали меня, Купина. 1812». Рассматривая изобразительно-выразительные средства текста, их классификацию и особенности употребления при описании иконописных образов, авторы статьи проводят подробный анализ иконичного экфрасиса в произведении, основываясь на концепции В. В. Лепехина, и выявляют особенности употребления данного феномена в произведении Василия Костерина «Не опали меня, Купина. 1812».

Ключевые слова: экфрасис, иконичность, иконописные образы, виды экфрасиса, икона «Неопалимая Купина».

**ICONIC EKPHRASIS IN THE COMPOSITION OF VASILY
KOSTERIN "DO NOT BURN ME, KUPINA. 1812"**

*I. M. Volkov, A. B. Shigurova,
Penza Theological Seminary*

The article is devoted to the analysis of iconic ekphrasis in the composition of Vasily Kosterin "Do not burn me, Kupina. 1812". Considering the pictorial and expressive means of the text, their classification and features of use in the description of iconographic images, the authors of the article conduct a detailed analysis of the iconic ekphrasis in the composition, based on the concept of V. V. Lepakhin, and identify the features of the use of this phenomenon in the composition of Vasily Kosterin "Do not burn me, Kupina. 1812".

Keywords: ekphrasis, iconicity, iconographic images, types of ekphrasis, the icon "Burning Bush".

Во многих произведениях, как русских классиков, так и некоторых современных авторов, встречаются описания различных сакральных предметов и объектов. Для обозначения таких описаний существует особое литературоведческое понятие – экфрасис. Однозначного определения данного понятия, несмотря на труды исследователей в данной области, так и не сформулировано, многие литературоведы имеют свое представление о данной категории. В нашей работе будет использована концепция В. В. Лепехина, как наиболее полно, на наш взгляд, изложившего и обобщившего результаты исследований, связанных с экфрасисом, и его определение, которое

сформулировано следующим образом: «Экфрасис – это создание словесного образа на основе визуального художественного образа» [6, с. 3-4].

По утверждению В. В. Лепяхина, существует три подхода к классификации экфрасиса [6, с. 6-20]:

I. Первый подход основывается на особенностях описываемого автором предмета и носит преимущественно описательный характер, также подразумевая под собой классификацию предмета в областях и жанрах искусства.

II. Второй подход: это классификация на основе реальности или фиктивности объекта экфрасиса.

III. Третий подход к классификации экфрасиса основывается на характере взаимосвязи между экфрасисом и его источником или объектом.

Нас будет интересовать именно третий подход, как описывающий не только отношения между экфрасисом и источником, но и фиксирующий воздействие того или иного объекта экфрасиса на персонажа произведения. И еще данный подход позволяет выделить нужный для исследования произведения вид иконичного экфрасиса [6, с. 28-30], используемый при описании сакральных предметов и объектов. Его особенностью будет – создание вербальной иконы посредством преобразования визуального образа в иконичный словесный, последующее стремление к выявлению иконичности скрытой в видимом образе, и выход за пределы, собственно, самого изображения. Под термином «иконичность» [3, с. 548] здесь будет пониматься явление в земном образе постигаемого умом небесного первообраза. Продолжим осмысление термина «иконичность» и выявим его свойства.

Первое: иконичность – это такое свойство образа, которое обеспечивает его внутреннее изменение, самостоятельное развитие и придание особой значимости в сознании читателя. И после оно направляет на движение к достижению духовной цели.

Второе: иконичность придает литературно-художественному образу способность сообщать смыслы, порожденные влиянием христианских первообразов.

Третье: под воздействием иконичности художественный образ наделяется способностью сообщать воплощенный автором бытийный смысл. Так, иконичным можно назвать художественный образ, ставший максимально приближенным к первообразу. И в качестве первообразов для иконичного художественного образа выступают явления и события христианской истории, признанные священными среди представителей данной культуры. Также одним из условий реализации принципа иконичности является так называемое минимальное расстояние между религиозной традицией и авторской волей. Другими словами, четкая религиозная направленность автора, следование подходящей системе ценностей и «положительная несвобода в обращении с первообразами» [3, с. 552] будут необходимы для реализации принципа иконичности. Итак, рассмотрев понятия экфрасиса и иконичности, приступим

непосредственно к анализу текста произведения современного автора Василия Костерина «Не опали меня, Купина. 1812» (2012).

События повести описывают Отечественную войну 1812 года глазами офицера французской армии Марка-Матье Ронсара. Однако лейтмотив произведения закладывается еще в 1798 году, при посещении главным героем Синайского монастыря святой Екатерины. Именно там он встречается с иконой Богородицы «Неопалимая Купина», которая производит на него «такое сильное впечатление, что он не может оторвать от нее взгляд» [5, с. 71-72]. Так, в описании образа Пресвятой Девы, мы видим пример проявления иконичного экфрасиса: «В монастыре я увидел икону: зелёный куст, объятый языками пламени, в нём изображена Дева Мария с воздетыми в молитве руками, Младенец в медальоне покоится на груди Матери, а пред ними — молодой Моисей» [5, с. 73]. Во время нахождения героя на территории монастыря его не покидает ощущение невидимого присутствия Божия, напоминаемое через видимые изображения. Сначала «в монастыре всё говорит красно-зелёным цветом», после он видит епископа, «на спине у которого по золотому фону во всю длину одеяния вышита Неопалимая Купина: «огромный горящий куст, а в нём — в полный рост Богородица с Младенцем на руках» [5, с. 73-74]. В правой стороне храма, в алтаре, находилась мозаика, посвященная событию Преображения Господня, в ней было что-то первозданное, так она через видимое изображение свидетельствовала об истине, т. е. проявляла свойство иконичности. После того посещения монастыря Марк-Матье описывает множество встреченных им в России икон, но сначала они его пугают: так, в Симоновом монастыре он отшатывается от икон, используемых в качестве ящиков для продуктов: его разбудили «живые, грозные очи Христа или скорбные глаза Пресвятой Девы» [5, с. 99].

Вот только в Москве он «похищает» из церкви икону Неопалимой Купины, так как ему показалось «что она пахла теплом» [5, с. 78] среди московской стужи и Ее глаза заглянули ему в душу.

В Новодевичьем монастыре герой теряет икону и весьма символично обретает ее на погосте под терновым кустом, после ночного сновидения. Во время отступления, в лесу икона спасает главного героя от смерти тем, что, находясь за пазухой, задерживает удар вил крестьянина. При совершении переправы через реку Березину икона укрепляет духовные силы и воспринимается главным героем как спасительная соломинка, он молится теми словами, которые только помнит.

Марк-Матье Ронсар по возвращении в Париж уже не становится на молитву перед иконой Неопалимой Купины, но лишь обращается взглядом, чтобы вспомнить Синайский монастырь и ощутить исходящее от данного образа тепло. Из-за финансовых проблем герой вынужден снять оклад с иконы и продать ювелиру, за это его настигает невещественный, но внутренний огонь, который не угасает до тех пор, пока главный герой не выкупает оклад

обратно. А до событий выкупа семья Марка-Матье и его приятель Жан-Люк находят книгу, раскрывающую историю иконы Неопалимая Купина.

«Моисей изображен перед зеленой, объятай языками пламени, Купиной. В огне как бы парит Богородица с воздетыми в молитве руками и заключённым в круг Младенцем на Её персях» [5, с. 164].

В жизни главного героя духовная перемена, направляющая к молитве, происходит после случая с его другом Жан-Люком: он подвергся страсти винопития. И вот однажды во сне ему видится, как его охватывает круглое белое пламя, и он слепнет при попытке налить себе еще выпивки, но после видит, как его друг молится, и благодаря этому вразумлению он побеждает эту страсть.

Вскоре главный герой задается целью вернуть икону в тот храм, из которого она была украдена, так как «тот» огонь еще иногда полыхает в его душе. Для этого он начинает изучение русского языка и отправляется в Москву, где заказывает список возвращаемой иконы у иконописца с очень примечательной внешностью: «У него было приятное худое лицо, светившееся изнутри. Такие как бы полупрозрачные лица я видел иногда в русских монастырях у монашек, а также на русских фресках и изредка на иконах. Тёмно-карие глаза смотрели задумчиво и во время разговора иногда уходили в себя, но наш иконописец тут же спохватывался, и во взгляд возвращалось внимание» [5, с. 198]. Отдав икону на снятие списка, Ронсар встречается еще с одним образом Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость», в нем он вновь ощущает то же «тепло», как и от «Неопалимой Купины», и на него производит сильное впечатление история этой иконы.

Марк-Матье настолько проникается образом покаявшегося разбойника, что просит иконописца написать фигурку кающегося человечка на списке его иконы. Пока пишется список, главный герой знакомится со священником храма, из которого он взял икону – отцом Феодором, он обещает освятить списки в день престольного праздника. На престольный праздник были освящены три иконы Пресвятой Девы, и случилось совпадение духовного состояния героя и природы. «Солнце по-детски играло в небе, сердце моё тоже играло и прыгало в груди, русские песнопения уносили меня в духовную высь» [5, с. 210]. После освящения отец Феодор, усмотрев желание героя остаться в Петербурге, предлагает Марку-Матье принять православную веру, но тот малодушествует и не решается, а после жалеет об этом всю оставшуюся жизнь. Записки оканчиваются словами автора о его видении Богородицы в «пылающей Купине» и призывании своих потомков, читающих эти записки, почитать Пресвятую Деву Марию и молиться перед ее иконами.

Итак, завершив анализ данного произведения, сделаем следующие выводы. При описании икон автор не всегда использует иконичный экфрасис, соответствующий свойствам иконичности, в одном случае это «экфрасис-психологизация», например: «живые, грозные очи Христа или скорбные глаза Пресвятой Девы» [5, с. 99], взирающие на героя.

В другом случае нам встречается «экфрасис-перевод»: например, «У святых на иконах и фресках были вытянутые лица, большие миндалевидные

глаза, длинные выгнутые носы, маленькие тонкие губы, обязательные бороды (безбородого святого я видел, кажется, один раз) и непропорционально вытянутые фигуры. Лица — коричневые, коричневой казалась и вся икона» [5, с. 28].

Также очень часто встречается «экфрасис-впечатление». Приведем несколько примеров: «С тех пор ношу в сердце взгляд карих глаз — приветливых и строгих. Они будто заглянули в душу, и мне стало тревожно», «От иконы веяло таким благодатным теплом, что своё состояние я мог бы назвать бессловесной молитвой...» [5, с. 157].

Стоит обратить внимание на название повести Василия Костерина «Не опали меня, Купина». Оно явилось сюжетообразующим, так как было составлено игрой слов, в которой участвует название иконы «Неопалимая Купина», и психологически наполненным — «Не опали меня, Купина» — это воззвание к Пресвятой Богородице от раскаивающегося грешника о помиловании его души.

На протяжении всего произведения автор упоминается сверкающий образ Неопалимой Купины, он является тем «духовным стержнем», вокруг которого и проходит вся история жизни главного героя. От встречи на Синае и до Москвы икона постоянно сопровождает главного героя, и он каждый раз чувствует тепло, исходящее от Нее.

Описывая картины природы, храмы и монастыри автор не жалеет красочных и выразительных средств языка. Но особое внимание он посвящает описанию икон, и в особенности иконе Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина». Кроме описанных автором рукописных икон, особое внимание привлекает сам главный герой повести Марк-Матье Ронсар, как проявивший в себе образ Божий. Его жизненный путь в контексте произведения стал связан с образом Пресвятой Девы, под Ее влиянием он постепенно начинает исправляться и преображаться в подобающее, иконичное, состояние. И только в конце повествования, пройдя через испытания веры и очистившись от «греховного налета», он раскаивается перед иконой Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость» и «запечатлевает» себя на списке новой иконы в виде кающегося грешника, став ее частью.

Литература

1. Священное Писание Нового Завета. — М. : Терирем, 2012. — 896 с.
2. Священное Писание Ветхого Завета. — М. : Российское Библейское Общество, 2003. — 1002 с.
3. Икона в русской словесности и культуре. Сборник статей. / Сост. В. В. Лепахин. — М. : Паломник, 2012. — 608 с.
4. Икона и иконичность: научное издание / В. В. Лепахин. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2002. — 399 с.
5. Костерин В. Не опали меня, Купина. 1812. — М. : Изд-во Московской патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 215 с.
6. Лепахин В. В. Экфрасис в русской литературе: опыт классификации // Визуализация литературы. — Белград, 2012. — 31 с.